

Цинь Ян улыбнулся, но ничего не сказал. Верил он в это или нет, но когда такие вещи произносили старшие, они звучали в сто раз загадочнее, словно пропитанные духом призраков.

Несколько человек болтали в беседке без особого энтузиазма, пока жара постепенно спадала. Затем они отправились домой спать.

На следующее утро, только позавтракав, Цинь Ян и Цзян Юй во дворе связывали сухую траву, как к ним подошли Ван Цян, Ма Тао и Ян Юэ.

— Цинь Ян, пойдешь в поле?

Трое подошли с улыбками и хлопнули Цинь Яна по плечу.

Цинь Ян выпрямился и посмотрел на них.

— Готовлюсь, сегодня как раз собирался. А вы когда?

— Мы давно хотели, но ждали тебя. Раз ты сегодня идешь, то и мы с тобой. Кстати, тележка сможет увезти вещи четверых... нет, пятерых, ведь маленький дурачок тоже пойдет, да? — рассмеялся Ма Тао.

— Ладно, готовьтесь. Я соберу вещи и подожду вас у Байфэня.

— Не торопись, может, объединимся? — поспешно спросил Ван Цян.

— О чем ты говоришь? Наши участки далеко друг от друга, только мой и твой рядом. Может, мы вдвоем объединимся? — подколот Ян Юэ.

Ван Цян с отвращением посмотрел на него.

— Я имел в виду готовить вместе, а не спать.

Цинь Ян вмешался:

— В поле разберемся, сначала подготовим вещи.

— Хорошо, тогда мы идем собираться.

Трое вышли из двора, а Цинь Ян продолжил заниматься травой с Цзян Юем.

К полудню подготовка была завершена. Цинь Ян перенес одеяла, циновки и другие вещи к Байфэню, оставив Цзян Юя и Сяо Хэя сторожить, а сам вернулся, чтобы уладить домашние дела.

Он достал оставшиеся более 20 000 юаней из тайника и спрятал их в другом месте. Ведь раньше он не думал о том, чтобы положить их в банк, а теперь приходилось временно спрятать, чтобы позже отнести в банк.

Спрятав деньги, Цинь Ян дал Цинь Фэн сто юаней на хозяйство, попросив ее пригнать овец к дамбе, где он с Цзян Юем будут следить за ними. Вечером она должна была отогнать их обратно. Остальные дела дома Цинь Фэн могла справиться сама. Что касается драгоценной орхидеи «Тяньи Хэ», Цинь Фэн не так хорошо ухаживала за растениями, как Цзян Юй. После их отъезда в город орхидея заметно увяла, поэтому Цинь Ян решил взять ее с собой в поле,

чтобы ухаживать за ней.

Уладив домашние дела, Цинь Ян вернулся к Байфэню, где Ма Тао и другие уже подкатили тележку, полную вещей, медленно поднимаясь по склону.

Они погрузили вещи Цинь Яна на тележку и с шутками и смехом двинулись в путь.

Добравшись до дамбы, группа разошлась, каждый направился к своему участку.

Стоя на возвышенности, можно было увидеть бескрайние зеленые поля.

Из-за недостатка питательных веществ кукурузные стебли были низкими, а початки — мелкими. Только на участках Цинь Яна и еще нескольких семей, где использовали удобрения, кукуруза была крупнее. У остальных кукуруза была мелкой, да и сортов выращивали мало, кроме кукурузы, немного фасоли и подсолнухов. Никто, кроме Цинь Яна, не выращивал соевые бобы.

Кроме того, кукурузные поля были частично разорены: некоторые стебли сломаны, а початки сорваны.

Цинь Ян осмотрел свои участки. Много кукурузы было сорвано по краям полей, а стебли сломаны. Подсолнухи в кукурузных рядах тоже были сломаны, а фасоль разбросана. На поле с бататом виднелись ямы — видимо, кто-то выкопал их. Такое часто случается: съедобные вещи страдают больше всего, будь то взрослые или дети, все любят выкопать пару штук.

Цинь Ян смотрел на свои разоренные посеы с легкой досадой. Хорошо, что не задержался в городе дольше, иначе вернулся бы только для того, чтобы собирать остатки урожая.

Взяв тесак, Цинь Ян с Цзян Юем отправились к подножию горы рубить деревья для строительства шалаша. Цзян Юй по пути собирал хворост, чтобы вечером разжечь костер и пожарить кукурузу. Сяо Хэй оказался настолько умным, что таскал хворост в зубах для Цзян Юя.

Построить шалаш было просто. Срубив ветки, Цинь Ян выбрал место на поле с бататом рядом с насыпью, выровнял землю и вкопал три толстые ветки, чтобы создать каркас. Затем он связал их верхушки лианами и обмотал их вокруг каркаса. Вместе с Цзян Юем они натянули промасленную бумагу на ветки, а сверху уложили сломанные кукурузные стебли. Внутри постелили принесенную сухую траву, и шалаш был готов.

Оба вспотели от работы. Цзян Юй снял соломенную шляпу и с радостью залез в шалаш, повалялся там пару раз и весело сказал:

— Цинь Ян, давай, залезай спать, здесь так уютно!

Цинь Ян улыбнулся и залез в шалаш. Сяо Хэй тоже хотел войти, но Цинь Ян окликнул его, и тот послушно остался снаружи на страже. Внутри стало тесно, и Цзян Юй подвинулся, чтобы Цинь Ян мог лечь. В небольшом пространстве им двоим было как раз удобно.

Цинь Ян лежал в шалаше, положив руку под голову, и смотрел на остроконечную крышу с удовлетворенной улыбкой.

Цзян Юй немного поиграл, а затем подполз к Цинь Яну, лег на него и, уткнувшись лбом в его подбородок, ласково сказал:

— Цинь Ян, у меня волосы длинные, и глаза плохо видят. Когда ты подстрижешь мне голову?

— Это называется стричь волосы, — Цинь Ян потрепал его пушистую голову, смеясь.

— Ну... значит, стричь волосы.

— Завтра подстригу.

Цзян Юй продолжал тереться о Цинь Яна, нашел удобное положение и положил голову на его плечо.

— Мы будем здесь спать сегодня?

Цинь Ян поправил воротник, чувствуя жар от близости Цзян Юя.

— Мы пробудем здесь какое-то время. Если не хочешь спать здесь, можешь пойти домой.

— Хочу, где Цинь Ян, там и я. — Цзян Юй улыбнулся, стараясь угодить. — Цинь Ян, я, я хороший?

— Хороший? — Цинь Ян повернулся к нему с улыбкой, понимая, что тот снова пытается его разыграть.

— Хм, не, не хороший? — Цзян Юй нахмурился, его ясные глаза смотрели на Цинь Яна с невинным выражением.

— А в чем ты хороший? — Цинь Ян продолжил игру.

Цзян Юй растерянно смотрел на него, не зная, что ответить. Вопрос был сложным, он не мог понять, в чем именно он хорош, ведь он и сам не знал.

Цинь Ян рассмеялся, перестал его дразнить и вместо этого поцеловал его в лоб.

— Раз не можешь ответить, впредь буду целовать только в лоб.

— Хорошо, хорошо, — радостно согласился Цзян Юй. Ему было достаточно просто поцелуя, ведь он легко удовлетворялся.

Снаружи запела кукушка, и оба, лежа, начали клевать носом, пока наконец не заснули.

Ночь в горах была прекрасна. Яркая луна освещала землю, а звезды мерцали в небе. Лунный свет окутал землю серебристым сиянием, а тени гор и деревьев создавали таинственную атмосферу. Прохладный ночной ветерок шелестел кукурузными стеблями, создавая одновременно прекрасное и немного пугающее ощущение.

Цзян Юй, боявшийся темноты, с наступлением ночи неотступно следовал за Цинь Яном, а Сяо Хэй спокойно лежал рядом, настороженно оглядываясь. Цзян Юй то и дело пугался шорохов в поле, говоря Цинь Яну, что видел шакалов, но пугал не Цинь Яна, а самого себя.

Цинь Ян поставил орхидею у насыпи, где трава была гуще, и попросил Цзян Юя светить фонариком, пока он копает яму перед шалашом. Он бросил в яму хворост, собранный Цзян Юем днем, и разжег костер. Собираясь сорвать несколько початков кукурузы, чтобы пожарить, он услышал смех Ма Тао и других, которые несли кукурузу.

Цинь Ян повернулся к ним:

— Вы уже устроились?

<http://bllate.org/book/17698/1652228>